

Место на Спасской было бойкое. Рядом находились гостинные ряды, рынок, толкучка, "обжорка", порт, главная торговая улица Подола - Александровская. Посетители валили валом. В основном, это были люди дна, так называемые подонки. Одни толклись у прилавка и шумели за столами, другие, как писал знаток маргинального мира А. Шебанов, уже "отдыхали", то есть "в бессознательном положении лежали полунагие на тротуарах и около лавок, на противоположной стороне улицы".

Одежда пьяниц со Спасской поражала своей живописностью. Одевались они не лучше уличных нищих, но свое жалкое рваньё носили так же гордо, как актеры бутафорские мантии и короны. То же можно было сказать и о манерах спасских подонков. Их убожество странным образом соединялось с высокомерием, вульгарность - с артистизмом. "Это, - писал Шебанов, - если можно так выразиться, типические пьяницы. Измятая преждевременно физиономия, полуголая одежда, нахальный до крайности взор, особенное ухарство в обращении и нередко кокарда на фуражке - невольно поражают взор каждого... Достаточно однажды взглянуть на такую личность, чтобы понять, что она не способна ни к какому труду".

В отличие от уличных нищих, городские пьяницы вели себя независимо. Они не стремились вызывать к себе жалость, а, наоборот, каждым своим жестом демонстрировали презрение к отвергшему их миру. До кабацкой пьяни никому не было дела, но те сами лезли в глаза, показывая, что вполне довольны собой и жизнью и что их злачные места - островки настоящего счастья и веселья среди серой жизни Подола.

"Нередко, - писал знаток киевского дна, - два лица различного пола под звуки шарманки канканируют перед самыми окнами женской гимназии. Сверх всего этого, они до крайности дерзки с прохожими. Женщины, дошедшие до полуживотного состояния, проходящую даму или девицу, имевшую несчастье чем-либо им не понравиться, провожают фразой: "Ишь, як чуб настобучила" (то есть начесала волосы) или еще более дерзко. Кавалеры же их одним своим появлением зачастую заставляют прохожих женщин кидаться врассыпную..."

Спасская пьянь составляла элиту кабацкого мира. Здесь обитали короли киевского дна. Публика попроще посещала другие места. На старом Подоле их было предостаточно. За какую-нибудь пару кварталов от Спасской начиналась сеть улочек и переулков, ведущих

от церкви Николы Притиска к Житнеторгской улице. Обилием кабаков этот район не уступал знаменитому кварталу на Спасской, и жизнь здесь была не менее шумной и разгульной.

Еще одна зона пьяной вольницы располагалась на Большой Кирилловской улице. На пути от церкви царя Константина до старой Городской больницы было 36 кабаков. Улицей притонов считалась и портовая Крещатицко-Набережная - тут находилось 19 кабаков. "Здесь, - писал анонимный автор статьи "Кабаки на Подоле" в газете "Киевлянин", - почти в каждом доме есть кабак... С первого взгляда на такое множество их подумаешь, что держателям их нечем и жить, но оказывается, что если бы их еще столько же было, то и тогда целовальники получали бы большой доход. Тут, видите ли, прозябает и вечно пьет разный бездомный, беспаспортный и никогда ничего не делающий сброд".

Разумеется, злчные места были и в других районах города, но они не шли ни в какое сравнение с кабацким кутежом в притонах Подола и Лукьяновки. Здесь было на что посмотреть!

"На днях, - сообщала пресса, - прохожие были свидетелями следующей безобразной сцены. Близ одного из кабаков пьяная ватага оборванцев окружила совершенно пьяную и совершенно голую женщину, которая угощала кулаками компанию оборванцев, получая взамен также, хотя и дружеские, но весьма тяжеловесные пинки и удары, пока женщина не оказалась окровавленной. Тем не менее это обстоятельство, видимо, ее мало смущало, так как она продолжала танцевать голая и окровавленная. Наконец, компания схватила ее и стала купать в баке с дождевой водой, обмывая кровь. Сцена эта происходила среди белого дня возле кабака Шлинчака. Женщина эта известна под именем Аришки и имеет мужа гончара..."

В Киеве было немало поклонников "вольной жизни"

Кабацкая вольница находила какое-то свое, малопонятное для нормального человека удовольствие в попрании чести, стыда и уважения к женщине. Интересно, что даже самую первую из известных антицерковных демонстраций в Киеве учинили не студенты, увлекавшиеся тогда атеистическими теориями, а те же самые кабацкие Аришки да Матрены.

"В первых числах мая, - писала газета "Киевлянин", - городские Печерского участка доставили в часть четыре пожилых женщины в пьяном виде и заявили, что первая из них - вдова-солдатка Агафия Морквина. Она, надевши на себя старую рогожу в виде священнической ризы и старый разорванный мешок в виде епитрахили, с крестом в руках, сбитым из деревянных палок, шла по улице в сопровождении другой женщины, солдатки Матрены Яковлевой, у которой в руках было ведро, наполненное водой, и кропило из зелени. За ними следовали: Палагея Бордюкова, также солдатка, с коробкою в руках для сбора пожертвований, и Екатерина Баранова в виде причетника. Вся эта процессия торжественно шла по Михайловскому переулку и Мало-Шияновской улице с пением "Христос воскрес" и разных псалмов, причем Яковлева кропила водой и улицы, и прохожих, а Баранова подходила к прохожим и просила пожертвовать на церковь. Завидя городских, они бросились в питейное заведение, но тут же были арестованы и препровождены в участок".

Считается, что до Максима Горького все видели в кабацкой вольнице неудачников, скатившихся на дно, и лишь он разглядел в них бунтарей. На самом деле "бунтарство кабака" не было новостью еще до рождения пролетарского писателя. И уже упомянутый нами автор очерка "Кабаки на Подоле" в 1871 году отмечал, что "эти заведения со своей грязью оказывают влияние на окружающую сферу, которое выражается у некоторых субъектов отвращением к ним, а у других - симпатией". Уже тогда в Киеве находились поклонники босяков, которые старались подражать их "вольной жизни".

В начале XX века в служилом мире Киева все знали легендарного Матушу - скромного чиновника губернского правления Матушевского, служившего в наследственном столе Казенной палаты и снискавшего славу своей страстью к бродяжничеству и дружбой с босяками. "Он обладал великолепнейшим почерком, и за это его очень ценили в наследственном столе, - вспоминал лично знавший его писатель Г. Григорьев. - Бумаги, переписанные Матушевским, всегда с похвалой подписывал сам управляющий Стрекалов. Но хорош Матушевский был только в зимние месяцы. С наступлением весны он постоянно исчезал. Уходил на берег Днепра, встречал там старых знакомых, большей частью грузчиков, пил, пока были деньги, находил еще какого-нибудь родственного по духу персонажа и отправлялся бродить с ним вниз по Днепру.

Для него было лучшим удовольствием спать на лоне природы, под открытым небом, дышать чистым воздухом, а главное, по его словам, дышать своей свободой, не видеть гнусных канцелярских рож, не глотать противной пыли, не писать отравляющие жизнь порядочных людей мерзкие бумажки... Глубокой осенью, проделав пешком сотни верст, поработав в разных портах "для поддержки бренного тела", он добирался до Киева.

Автор: Info КИЕВ
04.04.2013 20:39

Холод заставлял думать о теплом крове и работе... Свободолюбец появлялся в наследственном столе и униженно подавал отлично написанное ходатайство о предоставлении штатной работы. Вершители его судьбы какое-то время раздумывали, потом решали просьбу удовлетворить. Не раз Матушевский давал подписку о хорошем поведении, клялся перед иконой не пить спиртного, работать старательно и летом. И действительно, не пил он вовсе, даже в праздники отказывался от водки, ограничиваясь пивом. И так от силы до первого мая. А там начинался запой и продажа верхней одежды. Дух бродяжничества брал верх над рассудком, над всеми обязательствами и клятвами".

Конец терзаниям Матуши положил несчастный случай. В одно теплое весеннее утро его нашли мертвым в порту. "Медицинское вскрытие показало, что смерть наступила от непомерной дозы алкоголя. Хоронили его прилично одетым - не успел пропить свой костюм. Казенная палата почти в полном составе провожала на Лукьяновское кладбище своего выдающегося собрата".

"Если бы я был во главе правительства, издал бы закон, чтобы мерзавцев- хулиганов пристреливать"

Но в большинстве своем киевляне не верили в прелести кабацкой жизни, и босяк был для них подонком, жалким нахалом и вымогателем. Очеркист А. Негин в книге "Мелочи жизни" рассказывает, с каким презрением относились горожане к кабацкой рвани - например, к бродяге, пристававшему к прохожим на Бибиковском бульваре.

"Это был человек лет 26-30, на вид совершенно здоровый, в легком оборванном костюме. Он шел очень развязно, размахивал руками, гордо подняв голову и пристально всматриваясь в сидевшую на скамейках публику. Выбрав очередную жертву, молодого чиновника, босяк картинно приподнял фуражку и произнес: "Милостивый государь, я был когда-то таким же чиновником, как и вы, но злая судьба превратила меня в пролетария. Мне необходимо 15-20 копеек, чтобы не умереть с голоду... Он нахально посмотрел в глаза чиновнику и протянул руку. Чиновник как-то сконфузился, что-то пробормотал, вынул торопливо 10 копеек из кошелька и сунул их в руку хулигана".

Сидевший рядом гимназический учитель прокомментировал эту сценку такими словами: "Если бы я был во главе правительства, я бы издал закон, чтобы таких мерзавцев-хулиганов пристреливать. А господину Горькому следовало бы всыпать за то,

что воспел этих мерзавцев, вселил в них убеждение, что они люди... Хочешь есть, жить - работай, не хочешь - умирай!.. Тогда бы они взялись за работу и не приставали бы к нам". "Однако вы предлагаете драконовские законы - пристреливать! Точно бродячих собак!" - улыбаясь, заметил чиновник. "А позвольте-с, чем они лучше бродячих собак? - заволновался педагог. - Только тем, что вместо четырех ног имеют две. А в нравственном отношении они хуже собак. Ничего святого у них нет: надуть, ограбить, резать - для них самые обыкновенные слова".

За несколько десятилетий бесчинств пьяной рвани на улицах Киева горожане научились понимать, что стоит за красивыми разговорами о кабацкой вольнице. Город кишел хулиганами. Безобразия происходили на каждом шагу. Там пьяные ефрейторы избивали седоков экипажей, там подгулявший артельщик пытался зарубить городского его же шашкой, там пьяные забрасывали женские купальни булыжниками. Дошло до того, что за попустительство пьяному разгулу пришлось отвечать первым лицам местной администрации.

Осенью 1897 года в зале Людвиговского возле теперешнего Пассажа саперный офицер Б. зарубил шашкой чем-то не понравившегося ему студента. "Возмущенная публика, присутствовавшая в зале, - писал полицмейстер Живоглядов, - набросилась на Б. и других офицеров, его спутников: дежурному наряду полиции большого труда стоило под градом ударов вырвать офицеров из рук разъяренной толпы и отвести в старокиевский участок... Дежурных полицейских чиновников впоследствии обвинили в том, что они и сами наносили удары офицерам".

Наслышанное о киевском разгуле петербургское начальство пришло в ужас и прислало для выяснения обстоятельств генерал-от-инфантерии Ф. Брока. Киевский генерал-губернатор А. П. Игнатъев "почувствовал себя побежденным" и сначала предложил подать в отставку полицмейстеру, а потом и сам оставил свой пост и удалился из бушующего Киева. Кабацкая рвань таки дождалась праздника на своей улице. Впервые хулиганы вершили судьбу города. И это была их самая большая, историческая победа над киевской культурой.

Анатолий МАКАРОВ